

12+

Варвара Корякина

Память чувств

Варвара Корякина

Память чувств

«Издательские решения»

Корякина В.

Память чувств / В. Корякина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-519754-2

Книга посвящена Женщине, Загадочной и Завораживающей, Притягательной и Прекрасной, Манящей и Магической, тайным глубинам женской Души, закоулкам ее памяти, где живет память чувств... Именно животворящая и магнетическая Душа Женщины рождает в этом Мире Прекрасное, она звучит в унисон и в гармонии с исконными вибрациями Вселенной и Мироздания...

ISBN 978-5-00-519754-2

© Корякина В.
© Издательские решения

Содержание

ПАМЯТЬ ЧУВСТВ	6
Глава 1. ОТГОЛОСОК БЕЛОЙ ЭМИГРАЦИИ	6
Глава 2. РУКИ МОНАХА	11
Глава 3. ЛИЛИЙ ТРЕПЕТНЫЕ ЛЕПЕСТКИ	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Память чувств

Варвара Корякина

© Варвара Корякина, 2025

ISBN 978-5-0051-9754-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПАМЯТЬ ЧУВСТВ

Глава 1. ОТГОЛОСОК БЕЛОЙ ЭМИГРАЦИИ

Ангелина ехала на поезде в свои родные края, в город далекого детства. Всю долгую неделю она вспоминала дни юности. Глядя в окно на пронсящиеся мимо пейзажи родины, немолодая женщина была в плену прошлого, почти не общалась с попутчиками. Мелькающие березки, уже сбросившие листья к поздней осени, высокая синева холодного осеннего неба и греющие особым теплом солнечные зайчики, прыгающие по стенам купе, рождали в душе Ангелины какой-то необъяснимый трепет. Ей порой казалось, что она юна, как и прежде, и хотелось безумно влюбиться, дурачиться, быть легкой, как пушинка, вознестись к небесам в порыве каких-то необыкновенных мечтаний...

У женщины была интересная насыщенная жизнь, многого она достигла, многое видела, везде побывала.

Но ее по-девичьи тонкая и нежная душа еще не испытала ту единственную любовь, которая перевернула бы ее устоявшийся гармоничный мир...

Родилась Ангелина в столице Дальнего Востока, и этот старинный город, где прошло детство, был дорог ей. Когда Геле было 14 лет, от внезапной болезни ушел из жизни самый дорогой и близкий человек – мама. Боль этой утраты всю жизнь незримо жила где-то в глубине ее души.

Маму звали Фаина, но отец и близкие друзья называли ее просто Фая. В детстве маленькая Геля думала, что ее мама не Фая, а Фея. Столько тихого добра, столько светлой любви дала ей мама, немногословная, редко говорящая о своих чувствах, мама всегда взглядом, руками, объятиями, поцелуями дарила ей любовь, тепло и чувство безмерной защиты. Она была словно Феей, создающей радугу тихой безграничной любви, одаривающей ею всех близких.

Фаина была родом из далекой Якутии. Выросла без родителей в детском доме, родители погибли, когда она была еще малюткой. После окончания школы юная девушка приехала учиться в Хабаровск, и здесь родители Ангелины встретились, полюбили друг друга. Папа часто рассказывал, как в студенческой столовой он случайно задел поднос одной студентки младших курсов, весь обед девушки полетел на пол. Тогда он, увидев растерянную и слегка расстроенную юную второкурсницу филологического отделения, влюбился с первого взгляда. Девушка была необыкновенно хороша собой, словно сошедшая со страниц древних тюркских или восточных эпосов. Густая пышная длинная коса струилась по спине. Стройный гордый стан, высокая нежная шея, лицо точеное, тонкий нос с легкой горбинкой, большие миндалевидные глаза, затененные стрелами густых ресниц, таящие в себе бездну невообразимых чувств, как омут затянули душу пятикурсника историка. И улыбка, поражающая искренностью и добротой, сразу согрела сердце, оставляя в нем удивительное тепло.

С момента ухода мамы юная девушка повзрослела, она поняла, что только она сама может быть ответственной за себя и свою жизнь, что в этот удивительный Мир человек приходит один и в миг ухода отправляется в вечность один. Ангелина окунулась в мир восточной философии, понимая, что все в мире есть страдание, но есть путь прекратить эти страдания...

Отец Ангелины Евгений Павлович был ученым этнографом, востоковедом. Смерть жены он пережил очень тяжело, впал в депрессию, мог часами, сутками сидеть, уставившись в одну точку, бродил по дому как тень. Затем взял себя в руки ради единственной дочери и решил уехать, его пригласили в Китай преподавать в университете. Он был рад смене обстановки. Так Ангелина с отцом попала в Харбин. Харбин чем-то напоминал девушке ее родной Хабаровск.

Девушка окончила школу в Китае, там же поступила в университет, на исторический факультет. В это время в ее однообразную жизнь ворвалось странное, но по-своему волнующее, чувство.

В университете преподавали брат и сестра Троицкие – потомки русских эмигрантов, интеллигентные и образованные люди, истинные аристократы – белая кость. Алексей Александрович преподавал экономику, его старшая сестра Анастасия Александровна была филологом.

Отец Анжелины дружил с семьей Троицких. Евгений Павлович общался и был в приятельских отношениях с Троицким-старшим, отцом Анастасии и Алексея. Александр Андреевич Троицкий был тоже востоковедом, всю жизнь изучал буддизм и другие религиозные верования народов Дальнего Востока, был известен в ученых кругах. Евгений Павлович и Александр Андреевич часто бывали в Тибете на научных экспедициях.

Алексей Троицкий – молодой ученый, окончил аспирантуру в Москве и вернулся в Китай, где он родился и вырос. Был разведен, бывшая жена и сын остались в Союзе. Ему было 33 года, а Анжелине – 18. И их связало некое романтическое чувство...

Впервые Ангелина увидела молодого Троицкого на пасхальном ужине, куда они с отцом были приглашены. Русская диаспора в Китае каждый год устраивала ужин в честь Пасхи, там собиралась вся элита. Ее представили Алексею Троицкому, только что приехавшему из России, до этого она не знала его, только слышала о нем от Анастасии Александровны.

Этот весенний, веющий ароматом цветущих вишен, вечер таил в себе предчувствие чего-то необыкновенного и волнующего. Алексей весь вечер не отходил от Анжелины, танцевали, разговаривали обо всем на свете. Теплый, по-особенному уютный, день, идущий уже к закату, густые синие сумерки, полные загадочной мистики, весеннее бурное цветение и пьянящий аромат распускающихся деревьев – все располагало к возникновению удивительного состояния души. Весь мир был завораживающе прекрасен. И молодой, изысканно одетый, потомок русских аристократов, не сводящий с нее огненного взгляда темных жгучих глаз, чем-то напоминавший «лермонтовского демона», вскружил юной Анжелине голову. В душе девушки трепетало неизведанное сладостное чувство, ей льстило внимание взрослого мужчины, умного, образованного, галантного. Он смотрел на нее восхищенными глазами, возможно, и влюбленными.

Со дня знакомства Алексей каждый день после занятий заезжал на своем шикарном автомобиле в университет, забирал Гелю, обедали где-нибудь в уютном ресторанчике, до глубоких сумерек гуляли по старинным улочкам Харбина, утопающим в зелени старых неухоженных деревьев. Алексей все время твердил, что никогда раньше не встречал такой удивительной девушки, что за всю свою жизнь не видел, что в одном человеке сочетались и красота, и ум, и интеллект, и доброта, и искренность, и талант. Когда Ангелина дрожащим от волнения голосом читала свои чуть наивные романтические стихи, Алексей восторженно говорил: «Мой нежный полевой цветок, мой Ангел во плоти, как прекрасна песнь струн твоей души, как кружева выются удивительные чистые слова, как хрусталь звенит энергия твоих стихов... Ты – талант, через тебя Небеса говорят со мной». Затем нежно брал руки Анжелины, аристократично целовал их. Он был восхищен и очарован Анжелиной, по крайней мере, об этом говорил его горящий взгляд.

Иногда молодой Троицкий был задумчив и печален. Тихим голосом спрашивал Гелю: «Ангел мой, ты могла бы полюбить меня? Да. Я стар для тебя, за моей спиной почти целая жизнь и призраки моих прежних грехов... Ты могла бы принять меня вот таким, какой есть?». Ангелина молчала в смутении. Иногда в ее юной головке крутилась мысль: «Как сложны эти аристократы. Неужели, нельзя просто сказать: „Я люблю тебя, хочу, чтобы ты была всегда рядом“, обнять крепко-крепко, обещать защищать и беречь всю оставшуюся жизнь, а не любоваться своими чувствами, строя из себя непонятого, недолюбленного, страдающего от неразделенного чувства...».

Так пролетели два года. Ангелина училась, по-прежнему увлекалась восточной философией, еще ее привлек шаманизм северных народов, в этих древних верованиях юная девушка нашла нечто, что имело безмерную глубину познания и понимания Мироздания.

Встречались с Троицким почти каждый день. Он познакомил ее со своими друзьями. В кругу его друзей Геля блистала знаниями о древних эзотерических учениях, читала свои мистические стихи, полные тоски по покинутым мирам, куда человечество не может попасть снова из-за своего неверия и подлого подсознания. Алексей Александрович был восхищен ею и горд, что нашел такое «дивное сокровище», как называли Ангелину его друзья – молодые ученые разных мастей.

В один июньский, сияющий солнечными лучами, искрящийся чистотой безоблачного неба, день Троицкий приехал к Ангелине домой с огромным букетом нежных розовых роз, с бутылкой французского вина, с коробкой изысканных пирожных. С очень серьезным видом вручил букет Ангелине, поцеловал в щечку и, молча, прошел в кабинет Евгения Павловича. Там он пробыл недолго, затем отец и Алексей вышли в гостиную, где сидела Ангелина. Евгений Павлович был взволнован, немного бледен, а Троицкий нервно тербил перчатки. Отец каким-то чужим торжественным голосом произнес: «Ангелина, Алексей Александрович соизволил просить твоей руки. Решать тебе, доченька. Дашь согласие – я рад благословить вас».

Ангелина чувствовала, что дело идет к этому, но была в замешательстве. Переждав паузу, девушка ответила: «Можно я подумаю неделю, и сама сообщу ответ Алексею Александровичу».

После этой странной церемонии сватовства Троицкий пригласил Гелю на прогулку. Ангелине было как-то неловко, она не знала о чем говорить, как вести себя после всего случившегося. Натянутое молчание нарушил Алексей:

– Ангел мой, хочешь поехать жить в Союз?

– Не знаю. Наверно, хотела бы. У меня есть заветное желание – побывать на родине мамы, поехать в Якутию, в Колыму... – задумчиво произнесла девушка.

– В Колыму? – как-то тревожно переспросил Алексей.

– Да. В Колыму. Моя мама родилась там, но воспитывалась в детском доме в другом месте. Я в Якутии никогда не была. В последний год жизни мама много рассказывала об этом удивительном крае, часто говорила о своих странных мистических снах. Это особенная история – ее сны, я бы сказала, что это были шаманские видения. Поэтому мне обязательно надо туда съездить и понять многое.

– Ангелина, ты же родилась, выросла в Союзе. Это твоя родина. А я там словно чужой, и здесь я – не свой. Я не мог остаться там, хотя за пять лет учебы в аспирантуре полюбил Москву, встретил женщину, женился, родился сын. Но Алена, которой был очарован сначала, оказалась слишком приземленной и практичной. Эту приземленность и практическую сноровку, даже некую хамоватость я принял за силу характера и стойкость советской девушки.

А ты, Ангел мой, совсем иная. Видимо, смесь северной мистической крови в тебе делает тебя особенной, неповторимой, кроткой, но в то же время сильной внутренне, загадочной и утонченной, – проговорил Троицкий, заглядывая в медовые глубокие и сияющие особенным светом глаза девушки.

Затем взял нежные с длинными тонкими пальцами руки Ангелины, страстно прижал к своим губам. Девушка потупила глаза, залилась румянцем:

– Алексей Александрович, не надо так... Я – не особенная, я – такая, какая есть. Иногда я вас боюсь, вы – очень сложны для моего понимания. Я – простая девушка, выросшая в провинции, далека от мира белой эмиграции и аристократических условностей. Мы с вами – очень разные.

– Ангел мой, извини, если я чем-то огорчил тебя. Геля, милая, почему до сих пор называешь меня на «вы» и зовешь по имени и отчеству? Неужели, за эти годы я не заслужил твоего доверия и близкого отношения ко мне?

Вдруг девушка, набравшись смелости, посмотрела в близорукие темные, полные нежности и ласки, глаза Алексея, тихо, почти шепотом спросила:

– Алексей, Алеша, вы любите меня? По-настоящему, на всю оставшуюся жизнь?

– Конечно, милая моя малышка. Ты мне очень дорога, ты – мое дыханье, ты – моя радость, ты – свет, озаряющий мой мир... – страстно прошептал Троицкий и нежно прижал Ангелину к себе, прикоснулся губами к ее трепетным, не познавшим еще поцелуя, губам.

Девушка отпрянула. Прикосновение влажных и холодноватых губ Алексея вернули ее в реальность. Она поняла, что этот молодой аристократ не любит ее, а просто очарован ее юной непосредственностью и таинством ее души, которую даже сама она не познала до глубины.

Ангелина освободилась от объятий Троицкого, молча повернулась и пошла прочь. Алексей схватил ее за руку и повернул к себе:

– Ангел мой, прости, прости. Я не хотел обидеть тебя, душа моя. Извини за мое столь наглое поведение, за мой дерзкий поцелуй. Я напугал тебя, малышка?

– Алексей Александрович, я не из-за вашего поцелуя... Просто это сватовство и прочее... Так неожиданно все произошло... – невнятно проговорила Ангелина.

– Я хочу домой, – прошептала девушка каким-то расстроенным голосом.

Тогда Алексей просто обнял ее, стал гладить по голове, вдыхал запах ее волос, целовал волосы и шептал:

– Все будет хорошо, все будет хорошо...

Девушка прижалась к Троицкому и в ней бушевал ураган чувств: Алексей был ей по своему дорог и близок, но в то же время какая-то наигранность и неискренность его поведения смущала ее, она не знала, что ответить ему, впервые она была в таком глубоком смятении.

Она не любила Троицкого, но почему-то жалела его, сама не знала, почему жалела, ведь Троицкий – известный в своих кругах ученый, богат и знатен, его любили женщины, хорош собой – нет причин жалеть такого блестящего и успешного мужчину. Но какая-то непонятная женская жалость волной накрывала ее при виде Алексея.

«Просто жалость, а любви нет. Я буду несчастна в этом браке. Скоро я повзрослею, не буду уже нежной и романтической юной особой. И тогда трепет чувств Троицкого пройдет», – думала Ангелина.

– Алексей, я не стану вашей женой, – уверенно сказала девушка.

– Не делай поспешных выводов, Ангел мой, – спокойно ответил Троицкий, не было ни удивления, ни сожаления в его голосе. И Ангелина убедилась в правильности своего решения.

«Это не Он – тот Единственный на всю Жизнь...», – подумала юная Геля.

С этого дня она стала реже видется с Троицким. Алексей сначала просил о встречах, оставлял записки, умоляя не бросать его. Но потом вроде остыл.

Так закончились романтические отношения, начавшиеся в удивительный пасхальный вечер, круживший голову ароматом цветущих фруктовых деревьев, манящий душу глубиной синих магических сумерек...

Один раз, поздно возвращаясь из кинотеатра с подругой, Ангелина увидела Троицкого прогуливающего по бульвару в обнимку с молодой женщиной. Это была некая Полина Шуберман, начинающая скандальная журналистка, дама весьма легкого поведения, так судачили русские в Харбине. Ангелина лично не была знакома с Полиной. В свои 27 лет Шуберман была уже несколько раз замужем и слыла особой непостоянной, и неразборчивой в любовных связях.

Троицкий вел себя вольно с Полиной, его руки скользили по спине девушки и ниже, то целовал в шею эту яркую красавицу, то страстно впивался в губы. А Полина весело хохотала и говорила что-то...

Вся эта картина рождала в душе Ангелины некое неприятное чувство, похожее на плевков или на что-то неопрятное и дурно пахнущее. И вся трепетная романтичность былых отношений с Троицким куда-то улетучилась. Перед ней через дорогу шел не тот изысканный галантный аристократ, а подвыпивший мужчина средних лет с замашками портового матроса.

Ангелина в этот прохладный весенний вечер, когда освежающий северный ветер пронизывал до костей, словно унося ее недавнее прошлое, освобождая ее от чувства вины, от каких-то непонятных иллюзий, что жили в глубине ее загадочной души. Словно эхо, отдаваясь, замолкли отголоски чувств, связанных с потомком белых эмигрантов, с непонятным миром изживающей себя русской аристократии, пытающейся сохранить традиции и трагичность начала 20 века.

Повзрослевшая Ангелина не раз еще встречалась с Троицким на международных научных форумах, симпозиумах. Виделись как старые добрые друзья, с интересом слушала его выступления и читала его статьи. И ни разу не обмолвились о былых романтических отношениях, только порой она замечала пристальный взгляд Алексея, где мелькала тень былой нежности и трепет забытых чувств. Но все давно прошло... «Призраки прошлого не должны омрачить будущее и настоящее», – думала уверенная в себе молодая женщина.

Была когда-то чудная весна, были сладкие грезы, оставившие в душе хрустальный звон несбывшихся чувств...

Глава 2. РУКИ МОНАХА

Это была память тела, память чувств и мыслей...

Ангелине снова в грезах вспомнился старый маленький монастырь в горах, где принимали всех страждущих и ищущих себя. И это было когда-то давно, будто в другой жизни, в ином мире... Она попала в тот мир дивной Гармонии, Душевного Покоя и Безмятежного Умиротворения случайно. Забрела туда, убегая от обстоятельств и себя. Её душа жаждала чего-то, что не мог ей дать шумный реальный мир. И она сбежала, но побег дал ей ещё больше сладких мучений. На пороге ветхого старинного монастыря её встретил молодой Монах, в глазах которого затаились мудрость веков и безбрежный океан неизведанных чувств...

Она до сих пор помнит Его руки, перебирающие ровный ряд нефритовых чёток, трепет этих рук, их мудрое движение при тихой молитве, их родное тепло... Руки, дающие надежду на обретение бесконечного покоя. Руки, отнимающие надежду на обретение земного счастья...

Безмятежная Гармония духа и тела... Целомудренные руки молодого Монаха... Глаза юноши, который обрел Покой и Умиротворение... Глаза Монаха, дарующие Любовь... Это была глубинная память чувств и эмоций...

Чонг Ли, так звали молодого монаха, с которым Ее Величество Судьба свела Ангелину при странных обстоятельствах.

Девушка по окончании университета внезапно заболела, но это была не физическая боль, а нечто иное, связанное с глубинным духовным миром Ангелины. Она будто бы впала в депрессию, ей было все безразлично, ничто ее не интересовало, будто окунулась в нечто мрачное, безысходное, тягучее, как болото.

Обеспокоенный ее состоянием отец водил Гелю по врачам, но сеансы психотерапии не помогали. Ангелина попросилась в дальний монастырь, где буддийские монахи мантрами и беседами, священнодействиями и силой вековой мудрости излечивали и исцеляли души страждущих. Отец отвез ее туда.

Духовным наставником Ангелины стал Чонг Ли – юноша лет на два старше ее. Высокий смуглый и красивый. Сейчас женщина смутно помнит облик этого молодого монаха, но ее душа хранит память о его руках.

В первый же день Чонг под звуки древней музыки сделал массаж девушке, умащая ее тело ароматическими маслами. Его трепетные ласковые руки, начиная с кончиков пальцев ног, нежно массировали ее тело, пробуждая к жизни каждую клеточку и каждую капельку крови.

Ангелине было неловко лежать обнаженной перед целомудренным монахом, она стыдливо закрывала глаза и заливалась румянцем.

А монах ей говорил:

– Забудь о стыде, человек не должен стыдиться своего тела, ведь он такое же творение Бога, как этот прекрасный Мир, что нас окружает, ни один цветок не стыдится своей красоты, ни одно животное не прячет свое тело, а гордо несет его, наслаждаясь грацией и утонченностью. Будь собой. Не бойся быть собой, какая ты есть, прими себя, люби себя. Ты не сумеешь полюбить Мир, пока не сможешь полюбить себя, принять себя.

По вечерам долго бродили вдоль небольшого озера, вели бесконечные беседы, медитировали, глядя на темную гладь воды и облако пара, исходящее от озера в прохладе позднего вечера. Сквозь это дымчатое облако водяного пара противоположный берег водоема казался необыкновенным и зыбким, таящим в себе некую тайну и неопределенность.

Ангелина постепенно приходила в себя, чувствуя прилив сил и новое ощущение себя в пространстве.

Темные глубокие, как омут, глаза молодого монаха заморозили девушку. Ангелина поняла, что влюбилась в Чонга, в этого мудрого не по годам юношу с по-детски открытой улыбкой, с тихим умиротворяющим голосом.

День у Ангелины в этом уютном монастыре начинался на рассвете, когда восточная часть небосвода только заалевает, и утренние сумерки обретали лиловую голубизну, это была невидимая тонкая грань между ночью и днем, когда свет побеждает тьму. Утро наступало с чтения мантр на древнетибетском. С востока начинает тянуть теплом и свежей прохладой, росой наполняется мир и приходит новый, непрожитый никем еще, день. День, в который мы вступаем впервые с ожиданием чуда, любуясь изначальной красотой мира.

Потом Чонг делал свой божественный массаж, от которого тело сначала млело, потом наливалось жизненным соком. И это была мучительная процедура для влюбленной и стыдливой девушки.

А монах говорил грудным тихим голосом:

– Не стыдись себя, не стыдись своих чувств. Ты должна окунуться в свои ощущения и чувства как в бесконечный теплый океан, ласкающий всю твою суть. Любовь никогда не бывает преступной или грешной. Любовь – она всегда есть любовь, это твоё мироощущение, это твоя душа раскрывается, чтоб понять мудрость бытия... Любить – это прекрасно, для любви человек приходит в этот мир. Но истинная любовь – это не жажда обладания, и не источник страдания, это есть свобода, свобода души, свобода, когда ты безмятежно паришь в вышине...

Однажды во время вечерних прогулок Ангелина подошла близко к Чонгу, заглянула в его бездонные и теплые глаза и прошептала:

– Милый Чонг, обними меня и поцелуй...

Она ожидала наставлений, но монах нежно обнял ее и запечатлел долгий и жаркий поцелуй на ее губах. Ангелина оторопела, как на последнем издыхании произнесла:

– Мой милый монах, я люблю тебя...

Чонг улыбнулся светозарой улыбкой, так же нежно обнимая девушку, шепнул ей в ухо:

– Милая девочка, со странной душой и тайно тоскующая по неведомым мирам, ты уже излечилась. И я люблю тебя, ты уже – часть моей души. Всех, кого мы встречаем в этой жизни, соприкасаемся с ними близко, становятся частью нашей души...

И это был последний вечер в монастыре, дарующем Гармонию и Умиротворение. Наутро Ангелина уехала в Харбин.

Молодой целомудренный и мудрый монах стал частью души Ангелины навсегда.

Глава 3. ЛИЛИЙ ТРЕПЕТНЫЕ ЛЕПЕСТКИ

Анри Мюррель... Как только Ангелина вспомнила этого молодого человека, ей почудился тонкий, но в то же время пьянящий сладким дурманом, аромат нежных белых лилий. Волнующий дурман лилий, которые ей дарил этот экстравагантный мужчина. Анри – потомок белых эмигрантов, имевший еще французские корни, поэт и философ. Он был высок и статен. Бледное холеное лицо с аристократично утонченными чертами, яркие карие глаза, темные густые вьющиеся длинные волосы, ниспадающие до плеч. Всегда ходил в темной одежде, носил длинные плащи и пальто, шляпы с широкими полями. По нему сохла каждая вторая студентка университета, в котором преподавал философию Мюррель.

Ангелина познакомилась с Анри на курсах поэтического искусства, она попала в группу, которую курировал Мюррель – поэт-мистик, поэт-философ, личность весьма неординарная. Анри сразу с первых занятий стал выделять Ангелину, называя ее «Восточная красавица с огненными очами». После отношений с Троицким Ангелина стала избегать сложных мужчин, возмнивших себя «правителями толпы». Но у нее с Анри случился мимолетный роман, оставивший в душе Ангелины неизгладимый след...

После вечерних занятий на курсах Ангелина решила прогуляться, пройтись, освежиться и быть наедине с собой. Осенний вечер серой дымкой опускался над городом, окутывая все густыми волшебными сумерками, холодный ветер играл опавшими листьями. Девушке было грустно, но в душе трепетали предчувствия чего-то загадочного и необъяснимого. Вдруг Ангелина услышала чьи-то шаги за спиной, обернулась и увидела Мюрреля, глаза их встретились. Темные, затененные пеленой вечной печали, глаза Анри тихо улыбались. Он сказал:

– Красавица с огненными глазами, куда направляетесь или просто бродите, копаетесь в своей душе?

– Да. Брожу в поисках себя, – тихо ответила Ангелина.

– И когда же такая милая девушка потеряла себя?

– Давно... с самого рождения, видимо. Я еще себя и не находила...

– Что так мрачно? Я еще не видел такой цельной и органичной природы как вы. Вы цены себе не знаете. Столько в вас вложено Высшими силами, столько прекрасного, загадочного, непорочно чистейшего...

– А вы, Анри, откуда знаете это, если я сама не чувствую в себе ничего подобного?

– Ваши глаза, ваши стихи, ваш облик говорят об этом.

– Но это лишь внешняя мишура, надуманность, а в глубине я – не та...

– Та, та..., о которой мечтают все мужчины с начала времен до скончания веков. Вы – та исконная женская душа, которой подвластно менять Мир, сделать его лучше и краше, вдохнуть в него нечто удивительное и прекрасное. Вы можете зажечь в сердцах людей такие чувства, о которых лишь смутно догадываются наши души.

– Прямо так? – тихо засмеялась Геля.

– Да. Так и есть, милая девушка, – ответил серьезно Мюррель.

В этот тихий холодный осенний вечер сердце тоскующей Ангелины согрели слова Анри. Мюррель был необыкновенно ласков и добр, все его существо источало такое тепло и уют, что Ангелина готова была с головой окунуться в эту ласкающую ее душу сладкую дрему, забыться в сильных объятиях этого странного поэта. Но это была мимолетная слабость. Девушка сразу одернула себя, она никогда не показывала свою уязвимость, пыталась выглядеть хладнокровной и невозмутимой.

С Анри у Ангелины с первого момента общения установилась духовная связь, ей казалось, что давным-давно, может, в прошлой жизни, возможно, где-то в небесах их души уже

встречались. Ей были ведомы все едва уловимые движения души поэта, она ловила вибрацию каждой его мысли.

По вечерам иногда Анри и Ангелина бродили по улицам старого Харбина, гуляли молча, каждый окунувшись в мир своих мыслей и чувств. Иногда Мюррель дарил девушке букет ослепительно белых девственных лилий, источающих божественный аромат. На холодном осеннем ветру трепетали нежные лепестки лилий, так же от нежно-завораживающего взгляда поэта волнуяще трепетала и млела душа Ангелины. Они с Анри много говорили о Франции, мечтали поехать в Париж.

Их мечта сбылась. Летом они поехали в Париж. Этот дивный город влюбленных и притягательной старины встретил Ангелину и Анри июньским теплым ливнем. Старые особняки, омытые дождем, будто сияли по-особому. От них исходило нечто необъяснимое, это был дух истории, энергетика всех времен, которые пролетели над этим удивительным городом.

Тетушка Анри жила на улице Сент-Оноре, это одна из старинных улиц Парижа, полна художественных галерей, антикварных магазинов. Двадцатый дом на улице Сент-Оноре раньше был центром культуры русской эмиграции, его посещали Ф. Шаляпин, Г. Пятигорский, С. Дягилев и другие не менее интересные личности. Здесь, так же как и в Харбине, порой веяло духом русской эмиграции.

Тетушку звали Роза. При встрече после приветствия и поцелуев она внимательно рассмотрела Ангелину и спросила:

– Анри, мальчик мой, эта восточная красавица – твоя невеста?

– Прекрасная Роза, она – просто моя подруга, я еще не нашел столь прекрасной особы как вы, тетушка, – шутливым тоном ответил Мюррель и обнял тетушку.

– Понятно, Анри. Значит, попрошу нашу Марлен постелить в разных комнатах.

– Конечно, в разных. Я еще десять лет не собираюсь связать себя узами брака. И не в моих правилах совращать юных красавиц.

– Анри, я знаю, что ты безупречен, что ты – истинный аристократ, человек чести, – протараторила тетушка Роза.

Весь этот полусутоливый разговор тети и племянника каким-то милым теплом отзывался в душе Ангелины. Небольшая, по аристократическим меркам, квартира тети Розы ей показалась тихим семейным гнездышком, от которого веяло гармонией и давно забытым счастьем, похожим на волшебную детскую сказку.

По вечерам Анри и Ангелина ужинали в кафе «Две мельницы», которое находилось на улице Лепик. Эта улица проходит по холму Монмартр. Во времена Наполеона она называлась Императорской, в 1864 году сменила свое название в честь генерала Луи Лепика, национального героя, который защищал гору Монмартр от русских войск.

После позднего ужина долго бродили по ночному Парижу, целовались в тени старых особняков. Ангелине было так легко, что хотелось навсегда остаться в Париже, среди всей этой красоты, подернутой сказочной пылью времен. Но ее беспокоила тайна, которая была в Анри. Она догадывалась, в чем таилась проблема, но боялась признать это. Анри был болен.

Это милое кафе «Две мельницы» позже Ангелина увидела в фильме «Амели», и волна трогательных воспоминаний нахлынула на нее. Ей даже почудился терпкий запах кофе и ни с чем несравнимый с ноткой свежей зелени аромат парфюма Анри.

Перед самым отъездом Анри и Ангелина решили сходить в крупнейшую, старинную римско-католическую церковь Сен-Рош. Сен-Рош, построенная в стиле пышного и изысканного барокко, находилась на той же улице Сент-Оноре, где они остановились у тетушки Розы. В прохладной тишине церкви Анри взял Ангелину за руки, целуя ее руки, он произнес:

– Милая моя Анжелина, я люблю тебя. Но я не имею права обременять тебя, я болен, тяжело болен, душевно болен. У меня – шизофрения, которую я пытаюсь скрывать под мас-

кой неординарной личности, незаурядного философа. Давно я живу со своими «демонами» в голове. Ты догадывалась об этом?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.